
ALEXANDER GAISHUN

**IDEOLOGICAL PRINCIPLES
OF EURASIAN ECONOMIC UNION**

Author affiliation. *Alexander GAISHUN (ovr.bfbgeu@tut.by), Bobruisk branch of the Belarusian State Economic University (Bobruisk, Belarus).*

Abstract. The article explores ideological foundations of the Eurasian integration project. In the author's viewpoint, its success depends on the recognition by the EAEC member states such basic components as the equality of peoples, the preservation of national statehood, deep economic integration taking into account the national interests. Motives for contemporary Eurasian integration are identified based on historical experience. The ideological basis of the EAEC is a set of national traditions of the countries that declared the Eurasian integration as a strategic priority.

Keywords: Eurasian integration; information war; geopolitics; international security.

UDC 321.01:061.1AЭС

*Статья поступила
в редакцию 06.10. 2015 г.*

**ИСЛАМ АЛЬ МУТАЗ БЕЛЛАХ МОХМЕД
ХАССАН ХУССЕЙН ЭЛАРИФ**

**ИЗМЕНЕНИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЛИВАНА
В РЕЗУЛЬТАТЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1975 – 1990 гг.**

В статье исследуются характерные особенности ливанской политической системы и проблематика изменения конфессионально-политической структуры, которые способствовали развязыванию длительной гражданской войны в стране. Описана особая роль Сирии в войне и определены факторы политической турбулентности Ливана.

Ключевые слова: политический конфессионализм; конфессионально-политические партии.

УДК 323.1(569.3)

Ливан с середины XX в. слыл «ближневосточной Швейцарией». В силу своего расположения Ливан издавна был местом пересечения множества

ИСЛАМ АЛЬ МУТАЗ БЕЛЛАХ МОХМЕД ХАССАН ХУССЕЙН ЭЛАРИФ (essooo85@mail.ru), аспирант кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).

культур, религий и цивилизаций. Государственный строй и политические институты в Ливане, как известно, основываются на конфессиональном принципе разделения власти между различными этническими и религиозными общинами [1]. Конфессионализм наложил свой отпечаток на все политические институты, характерные для ливанской представительной демократии. Заимствуя европейские формы, они в то же время не подверглись «вестернизации», по сути сохраняя традиционные черты восточного общества. В целом, общественно-политическая жизнь в стране определялась существовавшими политическими партиями и блоками, представлявшими интересы различных социальных групп населения. Цель данной работы — анализ причин изменений, произошедших в конфессионально-политической структуре Ливана в итоге гражданской войны 1975—1990 гг. В задачу исследования входит выявление характера тех конкретных изменений конфессионально-политической системы Ливана, которые стали следствием гражданской войны 1975—1990 гг.

Характерные особенности политической системы Ливана. Географические особенности Ливана способствовали притоку разных религий. После поражения Османской империи в Первой мировой войне Франция получила мандат на управление частью Ближнего Востока. 1 сентября 1920 г. она объявила о создании Большого Ливана. Под влиянием Франции была принята конституция Ливана и проведена перепись населения, в задачу которой входило получение данных об этноконфессиональной структуре для определения политической значимости общин. В соответствии с результатами этой переписи были распределены властные полномочия между их представителями. Официальный государственный статус в соответствии с конституцией имели, во-первых, христианские общины марониты, греко-католики, православные, армяне католики, армяне православные, протестанты, во-вторых, мусульманские общины — сунниты, шииты, друзы, а также иудейская община. Наиболее влиятельными были марониты, сунниты, шииты, греко-католики, православные и друзы.

После Второй мировой войны Ливан получил независимость. В основу создания независимого Ливана лег Национальный пакт, заключенный между маронитами и суннитами. Он включал следующие условия государственности Ливана: первое — христиане должны были отказаться от покровительства Франции и поддержать независимость страны, а мусульмане в свою очередь должны были отказаться от идеи арабского единства; второе — христиане и мусульмане должны были признать, что Ливан является арабской страной, но со своей спецификой, заключающейся в сохранении культурных и духовных связей с Западом; третье — стороны договорились о том, что Ливанское государство будет придерживаться политического нейтралитета [2].

Политическая система Ливана была основана на пропорциональном представительстве в органах государственной власти официально признанных религиозных общин. Такая форма политического устройства получила название политического конфессионализма. Должность президента была закреплена за маронитом, премьер-министра — за суннитом, председателя парламента — за шиитом. Министерские портфели и руководящие должности были распределены среди представителей разных общин с соблюдением паритета между христианами и мусульманами в соотношении 6:5.

Ливанская специфика как источник гражданской войны 1975—1990 гг. К 1975 г. демографическая ситуация в Ливане изменилась в пользу мусульман, которые начали требовать перераспределения полномочий в политической системе пропорционально произошедшим изменениям. Гражданская война 1975—1990 гг. убедительно продемонстрировала неустойчивость и уязвимость принципа конфессионального деления ливанского общества.

Главным критерием разделения сторон в конфликте был религиозный признак. В ходе войны имело место целенаправленное насилие представителей одних конфессий над другими. В итоге межконфессиональные конфликты в ходе гражданской войны не только усилили взаимное недоверие общин, но и укрепили деление ливанского общества на конфессиональные секторы.

Для прекращения гражданской войны мусульманам и христианам пришлось в конце концов договориться о новом балансе конфессиональных сил в государственных институтах. Это было достигнуто путем заключения Таифского соглашения, ознаменовавшего окончание гражданской войны.

Несмотря на довольно длительное существование политического конфессионализма, на прогрессивную направленность ливанской конституции и Национального пакта, любые осложнения обстановки, недоверие и соперничество между общинами имели тенденцию выливаться в противостояние, что привело в итоге к многолетней гражданской войне. Таифское соглашение и поправки, внесенные в конституцию в 1989 г., заложили основу нового политического устройства. Были существенно расширены полномочия правительства и премьер-министра — суннита за счет сокращения полномочий президента — маронита. Соотношение депутатских мест от мусульман и христиан в парламенте стало 1:1. Таким образом, принцип распределения основных государственных постов между выходцами из конфессиональных общин сохранился, но произошло вместе с тем существенное перераспределение властных функций между основными из них. Это изменение отражало усиление суннитский и шиитской общин за счет ослабления христиан.

Сирийский фактор в Ливане. Таифское соглашение позволило не только сохранить, но и укрепить политическое присутствие Сирии в Ливане. Все назначения на ключевые посты в Ливане находились в большей или меньшей степени под контролем Сирии.

В послевоенный период, вплоть до 2005 г., доминирующее положение в политической системе занимали лояльные Сирии политики. Так, парламент и правительство Ливана, сформированное в 1992 г, были лояльны Сирии. Правительство возглавил Рафик Харири — человек, обладавший международным влиянием и поддержкой, а также имиджем успешного бизнесмена. Все это позволило ему сформировать новый политический альянс из различных партий и движений, признающих доминирующую роль Сирии.

В такой обстановке на политическую арену в 1992 г. выходит шиитская партия «Хезболла», которая приняла участие в парламентских выборах, получив 12 из 128 депутатских мандатов. Данная партия выступала за установление в Ливане режима исламского государства по иранскому образцу.

В середине 1990-х гг. в Ливане начала формироваться антисирийская оппозиция. Парламентские выборы 1996 г. подтвердили тенденцию выхода христианских сил, выступавших противниками сирийского влияния, из изоляции. Однако несмотря на все попытки христианских политиков объединиться в антисирийский альянс, этого не происходило вплоть до 2001 г.

Определенный вакуум в христианской политической среде заполнила маронитская церковь, которая критиковала Сирию, указывала на то, что последняя ущемляет интересы ее общины и способствует эмиграции маронитов, что со временем приведет к исчезновению особой идентичности Ливана как поликонфессиональной страны. В сентябре 2000 г. марониты обвинили Сирию в проблемах Ливана и потребовали вывода ее войск. Неожиданно глава дружеской партии поддержал христиан, что случилось впервые с 1990 г. Поддержка друзей придала дополнительный стимул христианскому антисирийскому движению. Последнее, заявляя о себе с 2004 г. как общенациональное

движение за независимость Ливана, приобрело союзников и среди других конфессий.

2005 г.: убийство Р. Харири и усиление политической поляризации. Летом 2004 г. в борьбе за президентское кресло готовились принять участие по меньшей мере 10 депутатов как от оппозиции, так и из числа просирийских политиков. Однако 3 сентября 2004 г. в результате принятия поправки в конституцию полномочия президента Э. Лахуда были продлены еще на три года. Ситуация кардинально изменилась 14 февраля 2005 г., когда в результате взрыва в центральной части Бейрута погиб бывший премьер-министр Ливана Р. Харири. Он был знаковой фигурой в современном Ливане, и его гибель резко обострила ситуацию в стране.

Трагедия в Бейруте окончательно развязала руки антисирийской оппозиции. Так, 8 марта 2005 г. «Хезболла» провела в поддержку Сирии массовую демонстрацию, большая часть манифестантов были шиитами, вместе с ними шли христиане, поддерживающие просирийскую партию «Марада». В честь этой демонстрации просирийская коалиция политических сил получила название «8 марта».

Однако демонстрация вызвала бурную ответную реакцию антисирийских сил. Через месяц после убийства Харири 14 марта 2005 г. прошла ответная антисирийская манифестация, получившая название «14 марта». 14 марта 2005 г. — день проведения крупного антиправительственного митинга в центре Бейрута считается началом «кедровой революции», ставшей апогеем антисирийского движения в Ливане. Выступление не привело к смене режима или радикальному развороту его политики, однако позволило продемонстрировать силу антисирийских настроений в государстве.

Отношение к роли Сирии в стране стало на этом этапе ключевым критерием формирования альянсов. Обе коалиции выступали за Ливан, при этом они обвиняли друг друга в служении интересам внешних сил. Дальнейшая политическая жизнь Ливана характеризуется непрерывным конфликтом этих двух блоков, порой доходившим до вооруженного противостояния.

Первым серьезным событием в постсирийском Ливане стали парламентские выборы в мае-июне 2005 г. Они привели к серьезным переменам на ливанской политической арене. Несмотря на отсутствие непосредственного политического контроля со стороны Дамаска, выборы все еще регламентировались законодательством периода сирийского господства.

Итоги выборов внесли существенные изменения в уже, казалось бы, спланированный ход политического процесса: антисирийские силы одержали победу, однако им не удалось добиться абсолютного господства на политической арене Ливана. Первое место по стране получили депутаты из объединения «Аль-Мустакбаль» во главе с сыном покойного Р. Харири Саадом Харири (17,2 %), далее следовала «Хезболла» (14,6 %), третьим по стране, но первым среди христиан-политиков стал генерал М. Аун. Возглавляемое им избирательное объединение самостоятельно получило 14,5 % голосов и 14 мест в Палате депутатов. «Ливанские силы» стали шестым, получив 5,1 % голосов и шесть мест, также шесть мест получили депутаты из «Корнет Шехван». Обе партии «Катаиб» не преодолели 2 %-й барьер. Собственно, в парламенте сторонники А. Жмайеля получили два места, а К. Пакрадуни — только одно.

Распределение мест в парламенте отнюдь не свидетельствует о какой-либо стабилизации политико-идеологического противостояния в Ливане. Коалиции, оказавшиеся во власти после «кедровой революции», отличаются крайней неоднородностью. Они создавались для участия в парламентских выборах и при решении реальных проблем вынуждены преодолевать внутренние противоречия. При этом ни одна из противоборствующих группировок так

и не смогла обеспечить полный контроль над законодательной и тем более исполнительной властью. Установление нового баланса сил в постсирийском Ливане протекает медленно и со значительными трудностями: государственным и общественным институтам приходится функционировать в условиях продолжающейся политической нестабильности, одним из главных компонентов которой является обострение межконфессиональных отношений. В комплексе эти процессы ведут к снижению уровня безопасности, сохраняется угроза эскалации существующих внутриливанских противоречий.

Основу антисирийской коалиции после выборов в парламент 2005 г. составили «Движение будущего» Саада Харири, Прогрессивно-социалистическая партия (ПСП) Валида Джумבלата, а также христианские партии «Катаиб» Амина Жмайеля, «Ливанские силы» Самира Джаджа, Национально-либеральная партия маронитского клана Шамунов, Национальный блок клана Эдде и Движение демократического обновления. В коалицию «14 марта» также входят Левое демократическое движение, суннитский блок «Триполи», суннитская исламистская партия «Джамаа исламийя», Свободное шиитское движение во главе с Мухаммедом Хаджем Хассаном и ряд других организаций. Главное требование «14 марта» состояло в получении страной реальной независимости от Сирии и Ирана и управлении Ливаном на основе принципов христианско-исламского Национального пакта 1943 г.

Основу просирийских сил составили шиитские партии «Хезболла» и АМАЛЬ, христианские партии «Свободное патриотическое движение» и «Марада». В блок «8 марта» также входят несколько небольших суннитских партий (в частности, Партия национального диалога и «Мурабитун», «Стоящие на страже», друзская Демократическая партия во главе с Талалом Арсланом, Сирийская национальная социальная партия, армянская партия «Дашнак» и ряд других небольших движений).

Главные вопросы, по которым между коалициями существовали глубокие разногласия, выглядели следующим образом. Во-первых, ориентированность каждого из альянсов на иностранные государства: «8 марта» — на Сирию и Иран, «14 марта» — на США, Саудовскую Аравию и Францию; во-вторых, сохранение вооружений у «Хезболлы» и особая роль этой партии как государства в государстве на юге и в ряде других регионов Ливана, равно как и вооруженное «сопротивление» Израилю; в-третьих, проведение расследования убийства Р. Харири под эгидой ООН и международного суда над подозреваемыми.

В соответствии с резолюцией № 1595 Совета Безопасности (СБ) ООН, принятой 7 апреля 2005 г. [3], была учреждена Международная независимая комиссия по расследованию (МНКР) убийства Р. Харири со штаб-квартирой в Ливане для оказания помощи ливанским властям в проведении расследования. По мере проведения расследования альянс «8 марта» обвинял Комиссию в политической пристрастности и в поддержке позиции блока «14 марта».

Что определяет политическую турбулентность в «Ближневосточной Швейцарии»? В начале 2007 г. ливанское правительство подписало соглашение о создании Специального трибунала по Ливану (СТЛ), после чего требовалась его ратификация ливанским парламентом. В знак протеста против решимости ливанского правительства довести эту работу до суда 11 ноября 2006 г. в отставку подали пять министров от движений АМАЛЬ и «Хезболла». В ответ на это депутаты блока «8 марта» перестали ходить на заседания Национального собрания, что фактически парализовало работу ливанского парламента до весны 2008 г.

Отставкой министров просирийский альянс решил снизить действенность тех государственных институтов, в которых движение «14 марта» имело сильные позиции. Политическое противостояние коалиций вылилось в прави-

тельствующий кризис. Понимая угрозу СТЛ для интересов блока «8 марта», председатель Национального собрания и лидер АМАЛЬ Н. Берри отказывался созывать заседание парламента. Премьер-министр Ф. Синьора обратился к Совету Безопасности ООН с просьбой принять решение о вступлении соглашения в силу без ратификации. Решение СБ ООН было оформлено Резолюцией № 1757 от 30 мая 2007 г. [4] — соглашение вступило в силу 10 июня 2007 г. В этом беспрецедентном случае СБ ООН, поддержав блок «14 марта», подменил своим решением ратификацию международного соглашения ливанским парламентом.

Новое обострение политического кризиса было вызвано окончанием срока пребывания у власти президента Э. Лахуда и необходимостью выбора нового президента. «14 марта» рассматривало в качестве кандидатов на президентский пост маронитов Бутроса Харба или Насиба Лахуда, в то время как «8 марта» настаивало на кандидатуре Мишеля Ауна.

Каждая из сторон оказывала давление на оппонентов: «14 марта» угрожало избранием президента без кворума в две трети депутатов, «Хезболла» в свою очередь угрожала применением силы. В начале мая 2008 г. движение «14 марта» объявило незаконной военную телекоммуникационную сеть «Хезболлы» на ливанской территории.

«Партия Бога», заявив, что посягательство на ее сеть является первым шагом по ее разоружению, перешла в контрнаступление. 7 мая боевые отряды «Хезболлы» и АМАЛЬ после трех дней интенсивных перестрелок с бойцами «Движения будущего» захватили Западный Бейрут, осадив С. Харири и В. Джумבלата в их резиденциях. Ливанская армия не вмешивалась, сохраняя нейтралитет.

Боевое столкновение 7 мая 2008 г. было отнюдь не единственным случаем вооруженного противостояния между альянсами, поэтому для выхода из кризиса стороны провели переговоры в Дохе под эгидой комитета арабских стран под руководством Катара и при содействии Франции и Сирии. Эти переговоры завершились подписанием 21 мая 2008 г. соглашения, по которому стороны пришли к решению избрать президентом компромиссную фигуру командующего ливанской армией генерала Мишеля Сулеймана. Противостоящие блоки пришли к договоренностям по поводу закона о выборах, по которому последние выборы должны были пройти в 2009 г., а также были достигнуты соглашения о распределении министерских портфелей в новом правительстве национального единства. В соответствии с последним из 30 портфелей движение «14 марта» получило 16, а «8 марта» — 11, кроме того, 3 министра, в соответствии с этим соглашением назначались новые президенты стран. Таким образом, просирийские силы получили блокирующую треть министерских портфелей.

Тем не менее по другим принципиальным вопросам ливанские альянсы не смогли достигнуть взаимопонимания. В частности, с новой силой разгорелся конфликт после парламентских выборов в июне 2009 г. На них движение «14 марта» завоевало 71 из 128 мест в Национальном собрании (55 %), тогда как блок «8 марта» получил остальные 57 мест. Уверенная победа «14 марта» на выборах объясняется голосованием в пользу этого блока христиан и других ливанцев, напуганных быстрой и демонстративной операцией «Хезболлы» по захвату Западного Бейрута в мае 2008 г. Опасаясь непредсказуемой политики «Партии Бога» в случае ее возможного прихода к власти, они проголосовали за стабильность. Еще одна причина голосования за «14 марта» объясняется опасениями части ливанцев относительно дальнейшего усиления не только «Хезболлы», но и в целом шиитской общины. Безусловно, часть ливанцев при всем недовольстве итогами пребывания у власти движения «14 марта» голосовала не за движение «14 марта», а, скорее, против блока «8 марта».

Внутриполитическая ситуация в Ливане начала меняться с августа 2009 г., когда Валид Джумблат заявил об отходе ПСП с ее 11 депутатами от блока «14 марта». Свое решение он мотивировал тем, что партия должна вернуться к историческим основам своей идеологии, которые состоят в социалистических идеях, арабизме и поддержке палестинской борьбы за свое государство.

После парламентских выборов 2009 г. борьба коалиций развернулась за контроль над правительством, блокирующую треть, и за главные министерские портфели. Согласно Конституции Ливана стратегические решения правительства — пересмотр конституции, объявление войны и заключение мира, всеобщая мобилизация, международные договоры и соглашения, принятие государственного бюджета, назначение высших должностных лиц, роспуск парламента — должны быть одобрены 2/3 состава кабинета министров. При блокирующей трети новый кабинет станет заложником воли меньшинства и не сможет провести ни одного стратегического решения без одобрения «8 марта». Получая простую треть, блок «8 марта» не сможет диктовать свои условия коалиции С. Харири в рамках деятельности кабинета министров. В этой связи вполне понятно стремление меньшинства получить блокирующую долю и расширить таким образом свое политическое влияние.

После долгих и монотонных консультаций Сааду Харири удалось в ноябре 2009 г. сформировать правительство, в котором 11 портфелей достались альянсу «8 марта». Однако уже в январе 2011 г. все эти министры подали в отставку в знак протеста против сотрудничества правительства Харири с СТЛ, что привело к отставке всего правительства. Ввиду все большего уклона ПСП в сторону «8 марта» соотношение сил постепенно менялось в пользу этого альянса. Благодаря поддержке В. Джумблата и парламентской фракции ПСП, просирийский блок, ставший новым большинством в парламенте, получил право формировать новое правительство, компромисса по которому удалось достичь только в июне 2011 г. в результате длительных и сложных межпартийных переговоров. «Хезболла», АМАЛЬ, СПД, их союзники в новом правительстве получили 19 министерских постов из 30.

Новый кабинет возглавил суннит Наджиб Микати. Коалиция «14 марта» в связи с резко негативным отношением к ряду основополагающих установок нового кабинета министров отказалась от участия в правительстве. Ослабление режима Б. Асада сказалось и на участниках ливанского политического процесса.

В этой связи лидер ПСП Валид Джумблат осенью 2011 г. в очередной раз изменил свою позицию. Действия и заявления Джумблата свидетельствовали о движении к центристской позиции, равноудаленной от обоих блоков. Громко не заявляя о своем формальном возвращении в коалицию «14 марта», ПСП и лично Джумблат тем не менее начали активизировать контакты с ней, сохраняя при этом связи как с «Хезболлой» и АМАЛЬ, так и с Дамаском.

Сирийский кризис и жесткая позиция западных стран в отношении Дамаска способствовали мягкому отходу умеренных элементов от альянса «8 марта» в сторону центра. Движение этих элементов к центру продиктовано отнюдь не идеологическими соображениями, а обусловлено исключительно осторожностью, стремлением к политическому самосохранению. Центристские политические силы решили занять нейтральную позицию до разрешения конфликта в Сирии. Несмотря на неблагоприятные в последние годы для «Хезболлы» внешние и внутренние факторы, на современном этапе их все же недостаточно, чтобы серьезно подорвать позиции «Партии Бога».

В завершение отметим, что в силу наличия в обоих противоборствующих лагерях представителей всех основных ливанских конфессий (за исключением шиитов, подавляющее большинство которых поддерживают альянс «8 марта») современный ливанский конфликт нельзя назвать собственно конфессиональным. Сунниты, христиане и друзы распределились в разных пропорциях между двумя противостоящими лагерями. Стороны ведут борьбу за

политическую власть, понимаемую в первую очередь как право определять внешнеполитические приоритеты, оборонную и внутреннюю политику Ливана. Эти мотивы участников конфликта подчеркивают его преимущественно политический, а не конфессиональный характер.

Несмотря на то что конфликт не является сугубо конфессиональным (альянсы и их сторонники имеют гетерогенный конфессиональный состав, и религия не является главным предметом спора), он вместе с тем не лишен выраженного конфессионального аспекта. Последний определяется тем обстоятельством, что ливанские партии изначально конфессиональны и по составу, и по своим программным установкам. И именно конфессиональный фактор формирует состав, риторику и философию действия всех ливанских партий.

Литература

1. *Агавельян, Ю. В.* Государственность и парламентаризм в Ливане / Ю. В. Агавельян // Востокведный сборник. — Вып. 2. — М., 2001. — 374 с.
Agavelyan, Yu. V. Gosudarstvennost i parlamentarizm v Livane [Statehood and parliamentarism in Lebanon] / Yu. V. Agavelyan // Vostokovednyi sbornik. — Vyip. 2. — М., 2001. — 374 p.
2. *Тимофеев, И. В.* Камаль Джумблат / И. В. Тимофеев. — М.: Прогресс, 2003. — С. 76–77.
Timofeev, I. V. Kamal Dzhumblat [Kamal Jumblatt] / I. V. Timofeev. — М.: Progress, 2003. — P. 76–77.
3. Положение на Ближнем Востоке [Электронный ресурс]: Резолюция Совета Безопасности ООН от 7 апр. 2005 г. № 1595. — Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/300/00/PDF/N0530000.pdf?OpenElement>. — Дата доступа: 02.10.2015.
4. Резолюция Совета Безопасности ООН от 30 мая 2007 г. № 1757 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/995_g39. — Дата доступа: 02.10.2015.

ESLAM ELMOATAZBELLAH MOHAMED HASSAN HUSSEIN ELARIF

CHANGES IN CONFESSIONAL AND POLITICAL STRUCTURE OF LEBANON IN AFTERMATH OF THE CIVIL WAR OF 1975–1990

Author affiliation. *ESLAM ELMOATAZBELLAH MOHAMED HASSAN HUSSEIN ELARIF* (essooo85@mail.ru), *Belarusian State Economic University (Minsk, Belarus)*.

Abstract. The article analyzes characteristic features of the Lebanese political system and issues of the changes in the confessional and political structure that contributed to unleashing the longstanding civil war in the country. A special role of Syria in the war is described and the factors of Lebanon's political turbulence are identified.

Keywords: political confessionalism; confessional political parties.

UDC 323.1(569.3)

*Статья поступила
в редакцию 18.01. 2016 г.*

References

1. *Агавельян, Ю. В.* Государственность и парламентаризм в Ливане / Ю. В. Агавельян // Востокведный сборник. — Вып. 2. — М., 2001. — 374 с.
Agavelyan, Yu. V. Gosudarstvennost i parlamentarizm v Livane [Statehood and parliamentarism in Lebanon] / Yu. V. Agavelyan // Vostokovednyi sbornik. — Vyip. 2. — M., 2001. — 374 p.
2. *Тимофеев, И. В.* Камаль Джумблат / И. В. Тимофеев. — М. : Прогресс, 2003. — С. 76—77.
Timofeev, I. V. Kamal Dzhumblat [Kamal Jumblatt] / I. V. Timofeev. — M.:Progress, 2003. — P. 76—77.
3. Положение на Ближнем Востоке [Электронный ресурс] : Резолюция Совета Безопасности ООН от 7 апр. 2005 г. № 1595. — Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/300/00/PDF/N0530000.pdf?OpenElement>. — Дата доступа: 02.10.2015.
4. Резолюция Совета Безопасности ООН от 30 мая 2007 г. № 1757 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/995_g39. — Дата доступа: 02.10.2015